

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Меркулов Глеб Васильевич

**Рукопись «Codex Neagoeanus» (1620) в контексте становления
румынского языка и письменной культуры**

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2025

Работа выполнена на кафедре романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Семенова Екатерина Алексеевна, кандидат филологических наук

Официальные оппоненты:

Бубнова Галина Ильинична, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения

Михайлова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, Российской государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков

Ретинская Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, заведующий кафедры романской филологии Института иностранных языков

Защита диссертации состоится «26» февраля 2026 г. в 16 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета МГУ.059.3 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП 1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1-ый учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет, ауд. 1060.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3694>

Автореферат разослан «___» января 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Лебедева И.Л.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

XVII в. является периодом интенсивного развития и становления румынской письменной традиции, в отличие от остальных романских языков, где подобный этап был пройден на несколько веков ранее. Дело в том, что первые письменные свидетельства на румынском языке появляются лишь в XVI веке и они крайне малочисленны. В XVII в. все чаще открываются скриптории при румынских монастырях, где создаются произведения (обычно переводного характера) на румынском языке, что вносит огромный вклад в процесс становления письменной традиции. Одним из таких документов является *Codex Neagoeanus*, который обладает всеми характеристиками той эпохи, но является малоизученным.

В отличие от текстов XVI в., которые немногочисленны и зачастую представляют собой переводы духовной литературы с церковнославянского языка либо содержат сведения частного характера (как, например, Письмо боярина Някшу – первый известный документ на румынском языке), тексты XVII века имеют ключевое значение для изучения процессов, определивших развитие румынского языка, так как обобщают накопленный в течение века опыт письменной традиции на румынском языке.

Ранний период развития румынской письменности представлен значительно меньшим количеством письменных свидетельств по сравнению с ранними периодами формирования письменности на других романских языках. До настоящего времени не обнаружено памятников, датируемых ранее XVI века, несмотря на наличие косвенных свидетельств, подтверждающих бытование румынского языка на территории румынских княжеств в более ранний период. Важным фактором, препятствовавшим возникновению литературы на румынском языке, являлось доминирование церковнославянского языка в религиозной сфере. Начиная с XIV века создаются различные манускрипты, однако все они написаны на церковнославянском языке. Таким образом, исследователи сталкиваются с критической нехваткой данных, необходимых для реконструкции процессов, влиявших на формирование и становление румынского языка.

Значительным препятствием для исследования ранних памятников на румынском языке становится и кириллический характер их записи.

Предметом исследования является состояние румынского языка эпохи XVI-XVII вв., отразившееся в лингвистических характеристиках манускрипта *Codex Neagoeanus*.

Объект исследования — румынский манускрипт XVII века, написанный кириллическим письмом *Codex Neagoeanus*, хранящийся в Библиотеке Румынской академии под номером ms. rom. 3821. Объем кодекса составляет 392 страницы (из них 282 — на румынском языке, оставшиеся 110 — на церковнославянском). Язык данного кодекса представляет материал исследования.

Цель диссертации заключается в выявлении и систематизации особенностей румынского языка XVI-XVII веков на материале манускрипта *Codex Neagoeanus* (1620 г.). Выбор данного источника обусловлен его многожанровостью (манускрипт содержит 4 произведения разных жанров, что нехарактерно для румынских рукописей эпохи) и недостаточной изученностью (до сих пор не существует ни одной работы, посвященной комплексному лингвистическому анализу всех румынских текстов *Codex Neagoeanus*).

Задачи исследования включают:

1. обзор наиболее значимых литературных произведений и манускриптов XVI-XVII веков в контексте становления румынской письменной традиции;
2. лингвистический анализ *Codex Neagoeanus* на всех уровнях функционирования языка (графика, фонетика, морфология, синтаксис, лексика);
3. создание полной транскрипции исследуемого манускрипта (см. Приложение № 2);

4. систематизация языковых особенностей кодекса и уточнение места памятника в контексте развития румынского письменного языка XVI-XVII вв.

Актуальность данного исследования обусловлена, в первую очередь, недостаточной изученностью раннего периода румынского языка. Ввод в научный оборот и комплексный анализ раннего письменного источника позволит значительно расширить представление **о состоянии румынского языка эпохи XVI-XVII вв.**

Методологическую основу работы составляет комплексный лингвистический анализ, сочетающий палеографическое изучение оригинала с современными методами историко-филологического исследования. Применялись сравнительно-исторический метод, методы структурного и контекстуального анализа, а также элементы статистической обработки языкового материала.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предприняты анализ, полная транскрипция и комплексное описание языковых особенностей румынского языка XVI-XVII веков на основе материала одного из немногих дошедших до нас документов этого периода на румынском языке *Codex Neagoeanus*.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в изучение начального периода формирования румынского языка, который в силу недостатка прямых письменных свидетельств остается одним из наименее освещенных в рамках романистики. Работа вносит вклад в историческую лингвистику, выявляя ранний этап в развитии румынского языка, проявляющийся в вариативности графики, фонетики, морфологии и синтаксиса. Полученные данные систематизируют знания о процессе адаптации кириллической графики к румынскому языку и углубляют теоретические представления о тенденциях формирования письменной традиции в условиях межкультурного взаимодействия.

Работа имеет **практическую значимость** – ее результаты могут быть использованы:

- 1) при подготовке обобщающих трудов по истории румынского языка;
- 2) в дальнейших палеографических и текстологических исследованиях ранних румынских письменных источников;
- 3) при разработке методик лингвистического анализа ранних румынских текстов;
- 4) при подготовке курсов истории румынского языка, введения в романское языкознание, сравнительной грамматики романских языков, семинаров по палеографии и чтению рукописных текстов.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Исследованный ранее лишь фрагментарно манускрипт *Codex Neagoeanus* (1620 г.) является репрезентативным источником сведений, позволяющих составить представление о начальном этапе процесса становления румынского языка в XVI-XVII вв.
- 2) Графические особенности *Codex Neagoeanus* свидетельствуют о последовательной адаптации кириллического письма к фонетическим особенностям румынского языка, проявляющейся в специфической звуко-буквенной корреляции: написании частотных окончаний с помощью диграфов, лигатур и надстрочных знаков, активном использовании специфичных для румынской кириллицы графем (î, ү), а также в уникальных звуковых значениях некоторых букв (в частности, юса большого – [ea] вместо [i]).
- 3) С точки зрения фонетики *Codex Neagoeanus* представляет систему безударного и ударного вокализма гибридного типа: присутствуют фонетические особенности, характерные как для северных, так и для южных регионов, а также смешение некоторых фонетических явлений и

вариативность форм. Также в CN впервые было обнаружено сохранение [i] перед носовыми согласными, чего не обнаруживается в других источниках эпохи.

- 4) Codex Neagoeanus содержит ряд морфологических форм, обусловленных фонетическими процессами и сочетает архаичные формы (сохранение латинских окончаний, формы имперфекта), с инновационными феноменами (окончание существительных среднего рода множественного числа).
- 5) Язык Codex Neagoeanus демонстрирует выраженную тенденцию к аналитизму и имеет такие архаичные для современного румынского языка черты, как предпочтительный аналитизм в выражении падежных отношений, полисемантичность некоторых предлогов, вариативность позиции местоименных клитиков. В то же время появляются и инновационные черты, например, препозиция вспомогательного глагола в *perf. compus*.
- 6) В лексическом составе Codex Neagoeanus доминируют славянизмы, охватывающие ключевые семантические сферы (абстрактные понятия, религия, административная и бытовая лексика). Также присутствует значительный пласт тюркизмов, относящихся к военному делу, управлению и материальной культуре. Латинизмы, грецизмы и венгризмы представлены менее широко. Такое распределение лексического репертуара кодекса дает четкое представление о культурных и политических ориентирах эпохи его создания.
- 7) Языковая картина CN демонстрирует сложное взаимодействие внутренних тенденций развития румынского языка и внешнего влияния церковнославянской языковой традиции. Язык рассматриваемого периода находится в стадии интенсивного становления, характеризующейся как активным взаимодействием с внешними

культурными и языковыми влияниями, так и внутренним поиском собственной нормы.

Достоверность исследования подтверждается **апробацией его результатов**, которая осуществлялась в форме докладов по теме исследования на следующих конференциях: «Ломоносовские чтения» (МГУ, 2023); XII Международная научная конференция «Романские языки и культуры: от античности до современности» (МГУ, 2023); III Международная научная конференция «Профессиональный полилог в мультилингвальном мире: язык, культура, метод» (МГИМО, 2025); Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2025» (МГУ, 2025). Также по теме диссертации опубликовано 5 статей в научных изданиях, из них 4 статьи в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук.

Личный вклад соискателя ученой степени заключается в получении результатов, изложенных в диссертации, в разработке методологии исследования, проведении транскрипции памятника и научного анализа его языка, формулировке результатов и выводов исследования.

Структура работы: введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение, список литературы (189 наименований), приложение (отдельный том, 289 страниц). Приложение содержит иллюстрации, отдельные фрагменты исследуемого манускрипта (Приложение №1), а также его полную транскрипцию и факсимиле (Приложение №2).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и новизна выбранной для исследования проблемы; обозначаются цели и задачи работы; рассматривается степень разработанности темы; обосновывается теоретическая и практическая значимость исследования; описываются изучаемый материал и методы его анализа;

формулируются выносимые на защиту положения, а также приводятся сведения о степени достоверности и апробации результатов диссертационного исследования.

Первая глава под названием «Общий обзор румынских литературных текстов XVI-XVII вв. в контексте становления письменной традиции» состоит из вводной части и трех параграфов: «1.1. Религиозные жанры», «1.2. Светские жанры» и «1.3. Региональные черты и персоналии».

В вводной части главы период XVI-XVII вв. определяется как отправная точка в истории румынской литературы, поскольку более ранние письменные памятники на румынском языке не сохранились. Кроме того, отмечается, что формирование письменной традиции происходило под влиянием славянской культуры, что выражалось в использовании кириллической графики и активном переводе текстов с церковнославянского языка. Начальный этап представлен преимущественно манускриптами и первопечатными книгами, среди которых ключевую роль сыграла деятельность дьякона Кореси, издавшего в Брашове в период с 1557 по 1583 годы более 20 книг, девять из которых были на румынском языке.

Первый параграф, с опорой на труды Н. Картожана¹², П. Панайтеску³ и М. Гастера⁴, содержит обзор основных религиозных текстов, распространенных на территории румынских княжеств в XVI-XVII в. Один из центральных пластов литературы этого периода представлен **апокрифическими и апокалиптическими** текстами. Их распространение было связано с деятельностью священников, которые, стремясь дать моральные наставления и укрепить свой авторитет, переводили и переписывали церковнославянские тексты. Особой популярностью пользовались произведения, детально описывающие загробный мир и посмертные муки грешников, такие как «Апокалипсис Апостола Павла», «Сошествие Богородицы в ад» и «Смерть Авраама». Эти тексты, сохранившиеся в кодексах

¹ Cartojan N. Istoria literaturii române vechi. Dela origini până la epoca lui Matei Basarab și Vasile Lupu. București: Fundația pentru Literatura și Artă „Regele Carol II”, 1940. 96 p.

² Cartojan N. Cărțile populare în literatura română. București: Editura Enciclopedică Română, 1974. 340 p.

³ Panaitescu P. Începuturile și biruința scrisului în limba română. București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1965. 230 p.

⁴ Gaster M. Literatura populară română. București: I. Hainmann, 1883. 605 p.

XVI-XVII вв. (Кодекс Стурдзанус, Кодекс Тодореску и др.), оказали глубокое влияние на народное сознание, отразившись в фольклоре, верованиях и росписях сельских церквей. Часть апокрифов имеет явные признаки богоильского происхождения («Легенда об Адаме и Еве», легенды о низвержении Сатаны), хотя в румынской редакции они часто дополнялись ортодоксальными трактовками.

Параллельно распространялись **агиографические** произведения. Жития святых, такие как «Легенда о св. Пятнице», «Легенда о св. Сисинии» и «Легенда о св. Алексии», не только служили религиозно-нравственным целям, но и интегрировались в народную культуру. Легенда о св. Сисинии, например, изначально бывшая заклинательным текстом, использовалась в качестве оберега от злых духов, а мотивы из жития св. Пятницы вошли в народные песни и заговоры.

Второй параграф главы посвящен обзору основных произведений светских жанров и начинается с установления основных дидактических произведений, так как именно этот жанр (наравне с астрологической литературой) представляется своего рода «мостом» между религиозными и светскими жанрами. Например, «Физиолог» — трактат, сочетающий описания реальных и мифических животных с их аллегорическо-символической интерпретацией, — заложил основы морализаторского жанра. Другим важным памятником стал трактат «Fiore di virtù» («Цветы добродетели»), построенный на противопоставлении добродетелей и пороков, представленных (по аналогии с «Физиологом») через образы животных и растений с разъяснениями в виде максим. Данный трактат проник в румынскую литературу через несколько переводов (с итальянского, сербского и греческого). Наконец, отдельно отмечаются «Наставления Нягое Басараба сыну своему Феодосию» — произведение, сочетавшее религиозные поучения с практическими советами по управлению государством и оказавшее значительное влияние на формирование культурной идентичности.

Несмотря на сопротивление церкви, широкое распространение получила **предсказательная (астрологическая)** литература. Тексты вроде «Рожданика» (предсказания по дате рождения), «Громовника» (по грому) и «Трепетника» (по

непроизвольным движениям тела) пользовались устойчивым спросом, о чем свидетельствует их наличие даже в печатных изданиях эпохи.

Во второй половине XVI века зарождается жанр **народного романа** (*romanul popular*), который быстро приобрел массовую популярность. К числу наиболее значимых относятся: «Александрия» — роман об Александре Македонском, переведенный с сербской версии и оказавший заметное влияние на фольклор (колядки, свадебные песни, заговоры); «Варлаам и Иоасаф» — христианизированная версия легенды о Будде, содержащая множество нравоучительных притч; и «Аркирий и Анадан» — роман ассирийского происхождения о мудром советнике, содержащий множество поучительных максим и историй.

В третьем параграфе рассматриваются региональные особенности развития литературы эпохи, так как в первой половине XVII в. литературный процесс усложняется и приобретает выраженные региональные черты. Кроме того, упоминаются некоторые авторы и книгопечатники. Например, в Молдове митрополит Варлаам способствовал развитию литературы через переводы («Лествица») и создание оригинальных трудов, таких как сборник проповедей «Cazania». Его преемник, митрополит Дософей, стал автором первого крупного стихотворного произведения — «Псалтири в стихах». В Валахии активная издательская деятельность развернулась при правлении Матея Басараба и при поддержке Киевской митрополии. Результатом стало издание первого полного перевода Библии на румынский язык — «Библии из Бухареста» (1688). В Трансильвании, которая оказалась в зоне конфессионального соперничества (православие, кальвинизм, католичество), издательская деятельность стала инструментом религиозной пропаганды, что привело к появлению таких текстов, как «Кальвинистский катехизис» (1640), «Католический катехизис» (1636) и перевод Нового Завета (1648).

Таким образом, ранний этап развития румынской литературы (XVI-XVII вв.) характеризовался преобладанием религиозных и дидактических жанров,

формировавшихся под сильным влиянием славянской и византийской культур. Несмотря на переводной и компилятивный характер большинства текстов, именно в этот период были заложены основные жанровые формы (апокрифическая литература, агиография, дидактические трактаты, народный роман) и сделаны первые шаги на пути к созданию оригинальных произведений.

Вторая глава под названием «**Обзор румынских манускриптов XVI-XVII вв.**» состоит из трех параграфов: «2.1. *Письмо Някиу и ротацизованные сборники*», «2.2. *Юридические и религиозно-дидактические сборники*» и «2.3. *История изучения*».

Первый параграф посвящен самым ранним письменным источникам, а именно – письму боярина Някишу (является старейшим дошедшим до нас документом), а также группе религиозных рукописных сборников, объединенных общей фонетической чертой – ротацизмом.

Письмо боярина Някишу (Scrisoarea lui Neacșu), датированное 1521 годом, является старейшим из сохранившихся документов на румынском языке. Написанное кириллицей, оно было отправлено торговцем из Кымпулунга мэру Брашова и касалось угрозы османского нападения. Его лингвистическая ценность заключается в том, что, несмотря на раннюю дату создания, язык письма уже близок к современному румынскому, хотя и сохраняет архаичные черты: формы вспомогательного глагола (*ai* вместо *a*), отсутствие дифтонгизации (*tote* вместо *toate*) и использование церковнославянского языка в этикетных формулах⁵.

Особую группу памятников составляют тексты, для которых характерно фонетическое явление ротацизма (переход интервокального [n] в [r]), что сближает их с арумынским. К ним относятся Скеянская псалтырь, псалтырь Хурмузаки и Воронецкая псалтырь, а также Воронецкие кодексы.

Скеянская Псалтырь (Psaltirea Scheiană) включает псалмы, библейские песни и Символ веры. Датировка является дискуссионной (предлагаются даты от

⁵ Rotaru I. Literatura română veche. București: Didactica si Pedagogica, 1981. P. 62-65.

1515 до 1578 гг.). Лингвистический анализ (И. Гецие⁶) указывает на молдавское происхождение списка при возможном юго-западном происхождении перевода. Языковые особенности: ротацизм (*oamirilor*), вариативность аффрикат (*dzise*), архаичные латинизмы (*agru* — «поле») и славянизмы (*beseadă* — «слово»).

Псалтырь Хурмузаки (Psaltere Hurmuzaki) содержит 150 псалмов на румынском и на церковнославянском. Датировка этого памятника имеет принципиальное значение: исследования водяных знаков (А. Мареш⁷, И. Камарэ⁸) позволяют отнести её создание к периоду 1491-1504 гг., что делает её потенциально древнейшим румынским текстом. Локализация также спорна: выдвигаются гипотезы о создании в монастыре Зографу на Афоне (И. Камарэ) с последующим попаданием в Молдову. Помимо ротацизма, для языка характерны арумынизмы (*adzău*, *plândzere*), влияние греческой графики (написание буквы *г* через «*Q*») и богатая лексика, включающая латинизмы, славянизмы и венгерские заимствования.

Воронецкие кодексы (Codicile Voronețean) содержат фрагменты Деяний апостолов и соборных посланий. Датируются периодом 1563-1583 гг. (А. Мареш⁹). Исследования И. Гецие опровергают «марамурешскую» теорию происхождения и указывают на юго-западный источник перевода и молдавское происхождение списка¹⁰. Лингвистические черты схожи с другими памятниками группы: ротацизм (*binre*), преобразование *io* > *e*, заимствования из латинского (*lucoare* — «сияние»), славянского (*dosădi* — «оскорблять») и венгерского (*fuglu* — «узник») языков.

Во втором параграфе рассмотрены наиболее изученные сборники, содержащие в основном религиозные (в том числе апокрифические), дидактические и юридические тексты.

⁶ Gheție I. Contribuții la localizarea psaltirilor românești din secolul al XVI-lea // Cele mai vechi texte românești. Contribuții filologice și lingvistice / Ed. by I. Gheție. București: Tipografia Universității, 1982. P. 152-172.

⁷ Mareș A. Considerații pe marginea datării Psaltirii Hurmuzaki // Limbă Română. 2000. Vol. 49, № 4-6, P. 675-683.

⁸ Camară I. Originea celui mai vechi text românesc // Receptarea Sfintei Scripturi, între filologie, hermeneutică și traductologie. 2023. Vol. 12. P. 129-139.

⁹ Mareș A. Datarea Codicelui Voronețean // Limbă Română. 1982. Vol. 31, № 1. P. 41-50.

¹⁰ Gheție I. Contribuții la localizarea psaltirilor românești din secolul al XVI-lea // Cele mai vechi texte românești. Contribuții filologice și lingvistice / Ed. by I. Gheție. București: Tipografia Universității, 1982. P. 117.

Правила ритора Лукача (Pravila ritorului Lucaci, 1581 г.): важнейший юридический памятник Молдовы, представляющий собой не просто перевод церковнославянского Номоканона, а его творческую переработку и адаптацию к местным условиям. Текст содержит нормы уголовного, семейного и церковного права. Его язык ближе к современному румынскому, ротацизм выражен слабее, но отмечается переход $z > dz$ (*dzis*)¹¹.

Кодексы Братул (Codicile Bratul, 1560 г.): первый подписанный и датированный переводческий труд. Включает книги Нового Завета и проповеди. Исследователь А. Гафтон отмечает, что писец (поп Братул) не стремился к унификации языка, а включал в текст различные диалектные формы, что демонстрирует восприимчивость к разным языковым влияниям и синонимическим рядам¹².

Кодекс Стурдзанус (Codex Sturdzonus): обширный сборник апокрифических, житийных и дидактических текстов (всего 21 произведение), составленный священником Григорием из Махачи на рубеже XVI-XVII вв. Включает такие значимые тексты, как «Апокалипсис Павла», «Сошествие Богородицы в ад», «Легенда о св. Пятнице». Б.П. Хашдеу выдвинул теорию о богоильском происхождении части этих текстов. Кодекс является ценнейшим источником по народному христианству и ранней апокрифической традиции.

Кодекс Тодореску и Кодекс из Йеуда представляют собой сборники проповедей, поучений и апокрифов. Кодекс из Йеуда, первоначально ошибочно датированный XIV веком, был создан, по последним данным (И. Гецие, М. Теодореску¹³), в 20-30-е гг. XVII века. Эти памятники подтверждают широкое распространение религиозно-дидактической литературы на территории румынских княжеств.

¹¹ Rizescu I. Pravila ritorului Lucaci 1581. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1971. 391 p.

¹² Gafton A. Codicile Bratul. Iaşi: Editura Universităţii «Alexandru Ioan Cuza», 2003. 479 p.

¹³ Teodorescu M., Gheție I. Manuscrisul de la ieud. Bucureşti: Editura Academiei RSR, 1977. 259 p.

В третьем параграфе представлен обзор основных трудов, посвященных изучению манускриптов или основанных на их материалах. Изучение ранних румынских манускриптов началось в XIX веке с публикаций их факсимиле и транскрипций (Б.П. Хашдеу¹⁴, И. Сбъеру¹⁵). В XX веке усилиями таких лингвистов, как А. Розетти¹⁶ и Г. Иванеску¹⁷, эти тексты были включены в общую историю румынского языка, где они служат ключевым материалом для анализа фонетических, морфологических и лексических процессов эпохи формирования нормы.

Анализ основных манускриптов и обзор посвященных им научных трудов позволяет сделать следующие промежуточные выводы:

1. Становление письменности происходило в условиях диглоссии (церковнославянский — румынский язык) и активного межкультурного взаимодействия (влияние славянской, греческой, венгерской культур).
2. Лингвистическая картина характеризуется вариативностью и отсутствием единой нормы, что отражает диалектное разнообразие и разные источники переводов.
3. Памятники демонстрируют жанровое разнообразие: от официальной переписки и юридических кодексов до богослужебных текстов, апокрифов и дидактической литературы.
4. Дискуссии вокруг датировки и локализации ключевых памятников (особенно Псалтыри Хурмузаки) остаются центральными, определяя понимание хронологии и географии формирования румынского литературного языка.

Таким образом, данные манускрипты являются не только лингвистическими артефактами, но и важнейшими источниками для изучения культурной, религиозной и интеллектуальной истории румынских княжеств раннего Нового времени. Однако наибольший интерес среди всех сохранившихся письменных

¹⁴ Hasdeu B. P. Psaltirea publicata românesca la 1577 de diaconul Coresi. Bucureşti: Noua Tipografie Natională, 1881. 522 p.

¹⁵ Sbiera I.G. Codicele Voronetean cu un vocabulariu și studiu asupra lui. Bucureşti: Edițunea Academiei Române, 1885. 353 p.

¹⁶ Rosetti A. Istoria limbii Române. Bucureşti: Editura Științifică și Enciclopedică, 1986. 926 p.

¹⁷ Ivănescu G. Istoria limbii române. Iași: Editura Junimea, 1980. 766 p.

памятников представляет СН, который в данной работе впервые становится предметом научного изучения.

Третья глава под названием «**Codex Neagoeanus: описание и анализ**» состоит из вводной части и шести параграфов: «3.1. Описание Codex Neagoeanus», «3.2. Графика», «3.3. Фонетика», «3.4. Морфология», «3.5. Синтаксис» и «3.6. Лексика».

В вводной части главы даются сведения об открытых интернет-источниках, позволяющих получить доступ к оцифрованным румынским манускриптам, в том числе к СН.

В первом параграфе дается описание рассматриваемого в ходе диссертации манускрипта. Даются сведения об объеме документа, особенностях оформления и характере письма, а также об общей сохранности документа. Название кодекс получил по имени своего первого известного владельца — Штефана Нягоя (XIX в.)¹⁸.

Кроме того, в данном параграфе даются четкие критерии, на основании которых данный манускрипт был выбран для изучения. Первым критерием является многожанровость манускрипта, так как СН содержит следующие тексты:

1. «**Alexandriă**» (фрагмент перевода «Александрии» — романа об Александре Македонском, содержащий описания его походов, встреч с мифическими существами и путешествия к вратам рая).
2. «**Floarea Darurilor**» (сокращенный и измененный перевод итальянского дидактического трактата «Fiore di Virtu» о добродетелях и пороках. Текст имеет четкое оформление с содержанием и красными строками).
3. «**Pravilă sfinților părinții 318 după învățătura Mar(e)lui Vasile**» (сокращенный вариант Номоканона — сборника церковных правил и наказаний для мирян и клира).

¹⁸ Ionașcu A. «Alexandria», or the first instance of monsters in romanian culture // Journal of Romanian Literary Studies. 2019. № 17. P. 939-944.

4. «**Rujdelniță**» (незаконченный текст астрологического содержания («Рожданик»), описывающий характер и судьбу человека по месяцу рождения. Присутствуют предсказания только для четырех месяцев (сентябрь-декабрь)).
5. «**Rănduială vecernieî**» (текст на церковнославянском языке, не представляющий интереса в контексте данной работы).

Все тексты носят фрагментарный характер, что указывает на компилятивный характер манускрипта.

Вторым критерием является специфический научный статус СН. Несмотря на то, что СН уже более века находится в Библиотеке Румынской Академии, он так и не был исследован полностью ни румынскими, ни зарубежными учеными. Известно лишь о нескольких работах, так или иначе ему посвященных, причем в них рассматриваются лишь отдельные тексты, а не весь манускрипт, а сами работы скорее являются либо текстологическими, либо литературоведческими исследованиями. В частности, монографии Н. Картожана об «Александрии»¹⁹ и «Fiore di Virtu»²⁰, исторически фокусировались на их литературном значении и текстологии: установлении источников, сравнении списков и историко-культурном комментарии. Хотя Картожан и затрагивал языковые черты (именно он установил, что текст «Alexandriă» является копией перевода со славянского, выполненной в конце XVI в.) или сохранение латинских суффиксов, такой анализ был подчинён цели определения места произведения в литературном процессе, а не изучению языка конкретной рукописи. Другая работа, посвященная версии «Александрии» из СН («Alixăndria: le premier roman rouman d'Alexandre le Grand»²¹, автор – Б. Григориу) и вовсе является литературоведческой, язык манускрипта здесь никак не рассматривается, а приведенная транскрипция адаптирована под современные нормы румынского языка. Также есть небольшая статья И. Гецие, посвященная определению места его перевода и написания (И. Гецие предполагает, что все

¹⁹ Cartojan N. Alexandria în literatura românească. București: Cartea Românească, 1910. 108 p.

²⁰ Cartojan N. Fiore di virtu in literatura românească. București: Cvltvra Națională, 1928. 116 p.

²¹ Grigoriu B. Alixăndria: Le premier roman roumain d'Alexandre le Grand. Cluj: Presa Universitară Clujeană, 2020. 265 p.

тексты кодекса, кроме «Александрии», были переведены в регионе Банат-Хунедоара. Для «Александрии» же, исходя из её фонетических особенностей ($a > \check{a}$; $e > i$), автор предполагает возможное наличие молдавской промежуточной версии)²².

Отсутствие полного комплексного исследования делает СН ценным объектом для дальнейшего изучения, так как он позволяет расширить представление о состоянии румынского языка XVI-XVII вв.

Второй параграф посвящен систематизации и анализу орфографии и пунктуации в СН. Хотя большинство графем в СН не имеет разнотечений, для отдельных графем (гласных) характерна вариативность: графемы oy/u ([u]) используются без четкой системы выбора, вне зависимости от их позиции; графема ё (ять) может обозначать как [e], так и дифтонг [ea]. Для графики СН характерны системные черты, которые отражают процесс адаптации кириллицы к фонетическим особенностям румынского языка, среди них: наличие графем «î» («ын», [iŋ] / [im]) и «ç» («дже», [dʒ]), активное использование в СН надстрочных знаков и сокращений (надстрочный элемент для обозначения [ră] в глагольных окончаниях, а также лигатуры для обозначения частотных сочетаний tr, or (в окончании -lor), of (в слове Savaof) и rѣ ([re] / [rea]).

Среди специфических для СН графических черт отмечаются несформированная система пунктуации (используется только точка и особый знак для обозначения конца главы или текста) и отличное от остальных манускриптов эпохи звуковое значение юса большого – [ea] вместо [i].

Титло используется для сокращения сакральных понятий церковнославянского происхождения (например, слова «*Bogorodiței*»).

Анализ графики СН позволяет заключить, что в XVI-XVII вв. кириллическая орфография румынского языка еще не пришла к выработке определенной нормы

²² См. *Ghetie I. Unde s-au tradus si unde s-au copiat textele din Codex Neagoeanus // Limba Română. 1973. Vol. 22. № 6. P. 545-560.*

написания. Несмотря на то, что большинство букв кириллического румынского алфавита в СН (как и в других источниках эпохи) не имеет разнотений, мы не можем не зарегистрировать нестабильность в системах использования отдельных графем, в особенности – гласных («оу» / «ӯ», «ӯ»). При этом видна адаптация кириллицы для передачи специфических звуков румынского языка через использование специфичных графем (î, ș), надстрочных знаков и лигатур (для частотных сочетаний *-or*, *-tr*, *-ră*). Главной особенностью системы графики СН следует считать отличающееся от остальных манускриптов эпохи значение юса большого – [ea] вместо [i], а также несформированную систему пунктуации.

Третий параграф главы посвящен систематизации и анализу фонетических особенностей СН. Например, в плане **ударного вокализма** СН отмечен ряд архаичных черт и переходных явлений. Ударный [э], произошедший от [а], после [i] переходит в [е]/[ie] (*tăie, junghe*), а перед [n] в некоторых случаях преобразуется в [i] (*inima* от лат. *anima*). Латинский [е] в словах типа *tei* превращается в [ie] (*mieu*), но сохраняется в других контекстах (*perită, muere*). После z он переходит в [э] (*Dumnezău*), хотя встречается и форма с [е] (*Dumnezeu*).

Наблюдается вариативность дифтонгов. Дифтонг [ea] стягивается в [а] после сочетания «*șt*» (*aștaptă*), а также в определенных позициях (*să marga, sară, ačasta*) и на конце слова (*ave, va vede, să de*). Дифтонг [oa], характерный для современного румынского, в СН чаще представлен гласным [о] (*frumose, oste, omeni, tote*), хотя уже появляются и дифтонгизированные варианты (*frumoase, oaste, oameni*). Вариативность [oa] / [о] характерна для текстов эпохи, написанных в южных регионах.

В плане **безударного вокализма** также отмечается вариативность. В некоторых словах сохраняется безударный [е], еще не перешедший в [э] (*gemet, beu*), что было характерно для северных регионов (при этом регистрируются варианты написания с [э] – *băut*). Однако в возвратном местоимении «*се*» данный звук в большинстве случаев уже трансформировался в [э] (*să gătască, să intoarcă*), что демонстрирует прогрессивность СН по сравнению с остальными источниками

эпохи, где преобладала форма «se». Обнаружены случаи перехода безударного [e] в [i] (*galbine, amă vinită*) и начала перехода безударного [i] в [e] (*menunate*). Безударный [u] может быть заменен [o] (*potem, fromos, Domnezău*) и наоборот, что отражает общую для эпохи взаимозаменяемость этих гласных.

Отмеченная в СН **ассимиляция** гласных представлена рядом случаев: ă-ă > a-a (*calaraş*), ă-e > e-e (*beserecă*), e-ă > ă-ă (*îndărăt*), u-ă > u-u (*curundu*). Также зафиксирован как минимум один случай диссимилияции: e-e > e-i (*nice, direptul*).

Афереза зарегистрирована в нескольких случаях: афереза [i] (*naltă, nainte, naroī*), афереза [im] в глаголе *îmbla* (*blăm*) и афереза [a] в глаголе *gonisescu*. Афереза [i] перед носовыми была распространенным явлением, но в СН были обнаружены варианты без аферезы (*împărat, învătătură*).

Система **консонантизма** отмечена как менее вариативная. **Губные согласные** (p, b, f, v, m) перед [i] и [ie] не палatalизируются (*piiatră, bine, fier, vin*), что характерно для текстов из Валахии и южного Ардъяла. Согласный [n] перед [i] с зиянием может как сохраняться (*măngăni, să vini*), так и выпадать (*măngăi, spui*).

Выявлена вариативность в употреблении шипящих: [z] (ж) может заменяться на аффрикату [dз] (представлена графемой «џ») (*găs/jos, ăude/județ*), причем варианты могут находиться на одной и той же странице.

Группы согласных демонстрируют следующие тенденции: [nt] > [mt] (*sămtă*), [ns] > [ms] (*frămseră*), [sf] > [sv] под славянским влиянием (*svănt, svinte*). Также зафиксировано упрощение групп с [n]: выпадение [n] перед согласным (*naite* вместо *înainte, plăge* вместо *plânge, ude* вместо *unde, ajuseră* вместо *ajunseră*).

Отмечены единичные случаи **диссимилияции** [r] (*prespe/prespre*) и отсутствие **метатезы** [r] в глаголе *împotrivi* (*să protivește* вместо *să împotrivește*). Обнаружен случай **синкопы** [r] (*deptă* вместо *drept*).

Итак, на фонетическом уровне наиболее вариативной является система вокализма, особенно гласные [e], [u] и [o] и дифтонг [oa]. Главной особенностью

вокализма в СН является смешение фонетических черт, характерных как для северных (сохранение безударного [a], стяжение [ea] > [e] на конце слова), так и южных (нестабильность дифтонга [oa], отсутствие палатализации губных) регионов. При этом не все фонетические явления проявляются постоянно: например, встречаются варианты с сохранением безударного [a] и с его заменой на [э] (*calare* vs. *călare*). При этом практически отсутствует ротализм ([n] > [r]) — яркая черта северных диалектов и эпохи в целом. Консонантизм представляется более консервативным, хотя и здесь отмечаются вариативность в произношении шипящих и упрощение некоторых групп согласных.

В четвертом параграфе рассматриваются морфологические особенности, обнаруженные в СН.

Существительные. Некоторые формы сохраняют латинские окончания: *arame* (< *aeramen*), *grindine* (< *grandinem*). У некоторых существительных мужского в им. п. ед. ч. часто сохраняется финальное *-i/й*: *cătri* («лагерь»), *omî* («человек»), *fierî* («железо»). Латинский суффикс *-torius* реализуется как агентивный: *învățătoriu* («учитель»), *judecătoriu* («судья»), *deregătoriu* («правитель»).

В отношении падежных флексий в работе отмечаются преимущественно окказиональные, редкие феномены. Например, родительный падеж слова «*frate*» в связке с притяжательным местоимением имеет форму *frățini-tăi* («брата твоего»), отличную от современной. У двух лексем в форме винительного падежа множественного числа фиксируются отличные от современных формы *mănzii* (*mânjii*), *patriarșii* (*patriarhii*). Также в ходе анализа выявлены четыре способа оформления звательного падежа в СН: используются как формы с окончанием *-e* (*ome*, *Domne*), так и с артиклем (*o*, *dragul meu*), а также формы без артикля (*boeri*).

Существительные среднего рода во множественном числе часто имеют соответствующее современной норме окончание *-uri* вместо более распространенного для XVI-XVII вв. *-ure*: *lucruri(le)* / *lucrure* («вещи»), *darurile* / *darure* («дары»).

Глагол. Некоторые глаголы, невозвратные в современном языке, в CN употребляются с возвратной частицей: *să zăbăvise* («забавляется»), *veghe-te* («тебе не спится»). Напротив, глагол *abătură* (=a se abate, «сбиться») используется без неё. Некоторые глаголы в *prezentul indicativ*, спрягаемые в современном румынском без суффикса «-esc», в CN спрягаются с использованием данного суффикса: *pogorește* («он спускается»), *slobozește* («он выпускает»). В плане имперфекте обнаружена связь между фонетическими и морфологическими особенностями румынского языка XVI-XVII вв., так как стяжение дифтонга [ea] на конце слова напрямую повлияло на парадигму спряжения, изменив окончания у глаголов 2-4 групп в форме 3 лица единственного числа: *ave, merge*.

При спряжении в *Perfectul Simplu* некоторые глаголы демонстрируют устаревшие окончания: *scrișu-ție* («написал тебе»), *începîi* («я начал»). Кроме того, у глаголов *a da* («давать») и *a sta* («стоять») зафиксированы вышедшие из употребления формы *dede, dederă, stătum*. Некоторые глаголы демонстрируют устаревшие формы конжунктива: *nu să spămînte* (=spăimânte, «[чтобы] не испугались»), *să lă mănce* (=mănânce, «[чтобы] съесть»). В довольно редко встречающихся в CN формах кондиционала обнаружены исключительно приближенные к современным нормам формы (а *avea* + причастие): *așă rămăne* («я бы остался»), *așă vie* («я бы прожил»). Дважды встречается полная форма инфинитива, полностью субстантивированная в современном румынском: *facere, sufere*.

Наречия могут иметь несколько форм написания. Например, современное наречие *acolo* («там») представлено в CN как минимум тремя формами: *acole* vs. *acolo* vs. *aclo*. Такая вариативность объясняется фонетическими изменениями и отсутствием орографической нормы.

Местоимения. Сохраняются устаревшие формы: *nă* («нас»), *lă* («их»), наряду с современными: *ne, le*. Указательные местоимения представлены как современными *acest(a/e), acel(a/e)*, так и архаичными *cest(a/e), cel(a/e)*, а также форма *alalt(ă/e)* («другой»). Обнаружена форма *seu* («его») вместо *său*, вероятно,

по аналогии с *tei*. Обнаружены устаревшие неопределённые местоимения: *cineşti* (=fiecare, «каждый»), *neştine* (=cineva, «кто-то»).

Словообразование. В CN отмечены случаи отсутствия в некоторых словах нормативной приставки *în*-: *podobi*, *vălituri*. Приставка *ne*- активно используется не только со славянскими корнями (*nevolnic*), но и с латинскими (*nebunie*). Употребление славянских суффиксов (-anie, -enie) также часто служит для образования слов с латинскими и греческими корнями: *folosenie*, *încerpenie*.

Итак, CN демонстрирует связь между фонетическими и морфологическими особенностями румынского языка периода XVI-XVII вв. Особенно это заметно среди форм имперфекта (влияние на парадигму имперфекта в силу стяжения дифтонга [ea] на конце формы, сохранение [i] в глаголах 4-й группы спряжения (*pogorie*, вместо совр. *a pogorî* – «спускаться»)).

Несмотря на то, что в CN отражаются многие морфологические черты эпохи (формы perf. *simplu*, конжунктива, отдельные формы личных и неопределенных местоимений), были зарегистрированы и те словоформы, которые вошли в узус современного румынского языка: например, окончание среднего рода множественного числа «-uri» используется наравне с наиболее распространенным в текстах XVI-XVII вв. «-ure».

В пятом параграфе рассматриваются синтаксические особенности CN. В сфере синтаксиса наблюдается выраженная тенденция к аналитизму, так как падежные отношения зачастую передаются при помощи предлогов. Так, например, генитив (родительный падеж) может выражаться аналитически через предлог **de**, что особенно заметно в конструкциях типа *împărăta de lume* («владыка мира»), *împrejur de ost* («вокруг войска»), *casul de morte* («час смерти»), *zioa de moarte* («день смерти»).

В выражении дативных отношений также преобладает аналитизм. В тексте CN часто используется предлог **la** вместо формы дательного падежа, как это видно в следующем примере: *scris carte la mută-sa Olimbiada și la dascalul său Aristotel*

(«написал письмо матери своей, Олимпиаде, и учителю своему, Аристотелю»), *am putut trimete carte la voi* («отправил письмо вам»), *scriș la dragulă mieu prietnică* («написал своему дорогому другу»), *scrișă la marele împărată* («написал великому императору»).

Аккузатив может быть выражен как синтетически (без предлога), так и аналитически – с предлогом **pre** (совр. **pe**). Так, в примерах *văzu pre Sanhos-împărat* («увидел императора Санхоса»), *văzu pre Por* («увидел Пора»), *împărătasa luo pre Alexandru* («императрица привела Александра») предлог указывает на прямое дополнение. В то же время в таких случаях, где современная норма не предполагает предлога, он также не используется: *văzură un ostrov* («увидели остров»), *văzu un pește* («увидел рыбу»). Однако предлог может употребляться и перед неопределенным существительным: *văzu pre un om sălbatec* («увидел дикого человека»), *împresură pre muere* («схватили женщину»), *loviră pre om* («поймали мужчину»), *și mușcă pre omeni* («и кусает людей»), *aștaptă omul pre un pri(e)tnică* («ождет человек друга»).

Касаемо аппозиции отмечается, что имя нарицательное, выступающее в роли приложения к имени собственному (часто к топониму или имени), следует за ним и не сопровождается артиклем: *aduseră pre Candusal craia* («привели в Кандусала царство»). Однако отмечаются и конструкции, приближенные к современной норме: *muri în țara Ghersimului* («умер в стране Гесем»).

Главная особенность CN в плане синтаксиса обнаружена в формах сложного прошедшего (Perfectul Compus). Глагол в этой форме строится в полном соответствии с современной нормой – вспомогательный глагол «а avea» + причастие, однако вспомогательный глагол был обнаружен как в постпозиции (распространенный вариант для эпохи XVI-XVII вв., например: *vinit-ai* («они пришли»), *mers-ai* («они пошли»), *ieșit-ai* («они ушли»)), так и в препозиции (*am perit* («я погиб», 1), *am venit* («я пришел», 10, 99, 108), *ai purces* («они отправились», 11), *ai murit* («они умерли», 12)). Постпозиция вспомогательного глагола в формах сложного прошедшего была более распространенной для эпохи

XVI-XVII вв. Таким образом CN представляется более инновационным, так как случаев препозиции значительно больше.

Сравнительная степень прилагательных и причастий выражается аналитически — через использование предлога **de**: *era mai lungă de toți omenii* («был самый высокий из всех людей»), *copac naltă, mai naltă de toți copaci* («высокое дерево, самое высокое из всех деревьев»), *mai înțeleptă de toți oamenii pre lume* («мудрее всех людей на свете»), *cându făcu Dumnezeu pre dracul elu-l făcu mai frumos și mai mare de îngerii lui* («когда господь создавал дьявола, он сделал его самым красивым и большим из своих ангелов»).

Личные местоимения 2-го и 3-го лица в CN нередко эксплицитны и используются рядом с подлежащим: *Por el va fi împărat a totă lume* («Пор будет владыкой всего мира»).

Безударные формы местоимений могут стоять в постпозиции после форм индикатива, что не соответствует современной норме: *spuse-ne Araclie* («рассказал нам Араклий»), *Alexandru sărută-i măna* («Александр поцеловал ей руку»), *scos(e)ră-i iepele din peștere* («вывели кобыл из пещеры»), *ruse-lă Alexandru în căruțul de aur* («положил Александра в золотую колесницу»). Эти местоимения могут появляться и в составе форм будущего времени: *și iesi-ți-voră nainte arhangheli* («и выйдут тебе навстречу архангелы»), *Savaoș ajuta-ți-va ție* («Саваоф поможет тебе»).

Иногда безударные формы не употребляются там, где они обязательны по современным нормам: *și ales(e) tot omeni buni și derepăți și bagă în corabii* («и выбрал всех добрых и праведных людей и посадил на корабли»). Вместо них могут использоваться ударные формы: *și veni-voiu și spune-voiu ție* («и я приду и скажу тебе»), *ție es dată să merg aproape la raiu* («тебе дано приблизиться к раю»), *că ci spămantara pre noi* («потому что они напугали нас»).

Возвратные местоимения обычно стоят перед глаголом, но возможна и постпозиция: *Poru-împăratu sculă-să* («Император Пор поднялся»), *pogorie-s(ă)*

şerpe mare («спускается большой змей»). В будущем времени возвратное местоимение располагается между инфинитивом и вспомогательным глаголом: *munci-să-vor cu dracii* («будут мучиться с дьяволом»).

В отношении артиклей отмечается как отсутствие определенных и неопределенных артиклей в тех контекстах, где современная норма требует их постановки (*făcu Alexandru (o) galie mare* — «сделал Александр большой корабль»), так и их употребление там, где они в современном языке не употребляются: *şede în jipiul de aur* («сидит на золотом троне»), *200000 de pedestraşii* («двести тысяч пехотинцев»).

Многие предлоги в CN имеют несколько значений и контекстов употребления. Например, предлог **«de»** может использоваться:

как пространственный предлог (*păreţi de lăuntru tot poleiţi cu aur* — «стены внутри полностью покрыты золотом»);

для обозначения материала (*obrazul lui de aur* — «лицо его из золота»);

как причинный предлог (*perim de omeni sălbateci* — «погибли от рук диких людей»);

как объектный предлог (*spune-m de viaţa voastră* — «расскажите мне о вашей жизни»);

для выражения части целого (*ucise Alexandru de aceia 100000* — «убил Александр сто тысяч из них»);

а также выступать в роли предлога **cu** (*100000 de cămile încărcate de bucate* — «сто тысяч верблюдов, нагруженных едой»).

На уровне синтаксиса CN демонстрирует архаичные для современного румынского языка черты: предпочтительный аналитизм в выражении падежных отношений, полисемантичность некоторых предлогов (в особенности предлогов **«de»** и **«pre»**) Специфическими особенностями CN в плане синтаксиса являются

использование предлога «la» для выражения датива и препозиция вспомогательного глагола в *Perfectul Compus*.

На вариативность в системе синтаксиса указывают многочисленные случаи нестандартного использования различных местоимений – их место в предложении никак не нормировано и потому постоянно меняется (например, возвратное местоимение, регулярно обнаруживаемое в постпозиции).

Как и во многих других письменных текстах эпохи, в CN мы наблюдаем нестандартное использование отдельных предлогов. Некоторые из них просто имеют значение, не соответствующее современному: например, предлог «prespe», имеющий в CN значение предлога «peste» («над»). Другие имеют в манускрипте сразу несколько значений, лишь малая часть из которых сохранилась в современном языке (например, предлог «de»).

В шестом параграфе приводится список обнаруженных в CN заимствований с примерами использования и комментариями. Лексический состав CN наглядно отражает степень славянского и османского влияния: славянизмов и тюркизмов выявлено на порядок больше, чем венгризмов, латинизмов и грецизмов. Однако последние настолько инкорпорированы в лексический состав языка CN, что им придаются типичные для той эпохи славянские суффиксы при создании новых лексем (н-р: «folosenie», греч. ὁφελος + -enie). Подавляющее лексическое доминирование церковнославянского языка во всех ключевых сферах (от религиозной и административной терминологии до обозначения абстрактных понятий и бытовых предметов) однозначно свидетельствует о глубокой интеграции славянской культуры и письменности в румынское общество того периода, где славянский язык выполнял функции языка культуры, религии и литературы. При этом присутствие многочисленных тюркизмов, связанных с управлением, военным делом и материальной культурой, чётко отражает политические и экономические реалии османского суверенитета.

В качестве специфической особенности CN отмечается полное отсутствие венгризмов, несмотря на их частое появление в других письменных источниках эпохи. Единственным венгризмом, обнаруженным в CN, является слово *meştreşug* (венг. *mesterség* – «ремесло», 14, 186, 232). Кроме того, в CN активно используется славянский словообразовательный инвентарь (приставка «не-», суффикс «-enie») для создания новых лексических единиц с греческими и латинскими корнями. Подобный способ расширения лексического состава свидетельствует не только о высоком уровне славянского влияния, но и о глубине интеграции греческого и латинского наследия в румынский язык эпохи XVI-XVII вв. Что касается латинизмов, то, несмотря на отсутствие культурного и религиозного влияния средневековой латыни на формирование румынского вокабуляра, мы наблюдаем его частичное пополнение латинизмами посредством переводной литературы (подавляющее большинство латинизмов обнаружено в переводе итальянского дидактического трактата «*Fiore di virtù*», т.е. в тексте №2).

Таким образом, CN отражает баланс между тремя основными лингвокультурными влияниями того времени: уходящим, но ещё отслеживаемым латинским наследием, актуальным и живым славянским пластом, определявшим письменную культуру, и практическими тюркскими заимствованиями, проникшими из сферы политического управления.

В **заключении** диссертации формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования старорумынских письменных источников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Codex Neagoeanus, как видно из исследования, отражает основные тенденции эпохи зарождения ранней румынской литературы (XVI-XVII вв.), которая формировалась преимущественно в религиозном контексте, в том числе с заметным участием апокрифической традиции, и находилась под значительным влиянием славянской книжности, что проявлялось как в переводах, так и в адаптациях текстов. В то же время появляются и развиваются светские жанры —

народный роман, астрологическая и дидактическая литература, которые быстро приобретают широкую популярность. Несмотря на наличие оригинальных элементов, литература данного периода остается в целом подражательной и вторичной.

Представленные во второй главе исследования письменных памятников XVI-XVII вв. демонстрируют формирование румынской письменной традиции. Данные манускрипты представляют собой важнейшие свидетельства становления и развития румынского языка, а также формирования культурной и религиозной идентичности на территории румынских княжеств. Обзор данных письменных источников помогает сформировать представление об эпохе XVI-XVII вв. как о периоде зарождения и развития традиций румынской письменности.

Такие манускрипты, как «Скеянская Псалтирь», «Псалтирь Хурмузаки» и «Воронецкая Псалтирь», «Воронецкий Кодекс» и «Кодекс Братул», демонстрируют начальный этап в развитии письменной традиции, характеризующийся фонетическими (в особенности – ротацизмом) и морфологическими изменениями, наличием латинских, славянских, венгерских и других заимствований, а также присутствием признаков региональных диалектов и влияния арумынского. Таким образом, эти тексты указывают на активные культурные и межэтнические контакты, особенно с греческим и южнославянским миром.

Помимо вполне очевидной практической функции (богослужение, церковное право и т. д.), тексты служили средством сохранения и передачи религиозного и морального учения. Особое значение имеют юридические памятники, такие как «Правила ритора Лукачи», в которых румынский язык уже применяется в нормативно-правовой сфере, что подчеркивает его расширяющуюся сферу употребления.

«Кодекс Стурдзана» и другие подобные сборники сочетают в себе апокрифические, литургические, поучительные и молитвенные тексты. Языковое и

текстовое разнообразие этих манускриптов позволяет проследить эволюцию румынского языка на фоне различных культурных, религиозных и социальных явлений, указывая на то, что процесс его стандартизации шел через постепенное взаимодействие с церковнославянской традицией, региональными особенностями и переводческой практикой.

В связи с тем, что румынская письменность зарождается довольно поздно (письменная традиция в румынских княжествах существовала только на старославянском), очень важно не только попытаться проследить тенденции ее становления, но и выявить те черты, которые могли быть присущи румынскому языку в его бесписьменный период (который занимает целых тринадцать веков) и которые так или иначе отображаются и в ранних румынских документах. Одним из таких документов является рассмотренный нами манускрипт СН, который демонстрирует период зарождения румынской письменности.

В ходе анализа СН были выявлены как архаичные для современного румынского черты, так и инновационные, зачастую не зарегистрированные в других источниках эпохи и так или иначе повлиявшие на зарождение и формирование письменной традиции.

Например, среди архаичных черт в плане графики мы можем отметить отсутствие сформированной системы пунктуации – на протяжении всего манускрипта единственным знаком препинания, который стабильно используется переписчиком, является особый знак окончания главы / произведения (։~). Функция «точки» не совсем ясна, так как она может использоваться и в конце предложения, и между слов в предложении, как словоразделительный элемент. При этом второй вариант использования встречается гораздо чаще, т.е. конец предложения зачастую никак не обозначен и его нужно определять самостоятельно, исходя из контекста²³.

²³ Усложняет задачу активное использование полисиндектона, особенно в тексте «Alexandriā», так как практически каждая синтагма начинается с союза «и».

С точки зрения фонетики архаичность манускрипта проявляется в вариативности звуков [e], [u] и [o] (четыре из пяти случаев ассимиляции и вариативность [oa] / [o] связаны именно с этими звуками), а также такие характерные для эпохи явления как переход безударного [e] в [ă], стяжение [ea] > [e] на конце слова, вариативность [oa] / [o]. При этом CN выделяется среди других источников эпохи, так как обладает фонетическими чертами как северных, так и южных регионов. Можно предположить, что данный манускрипт (и его протограф) был составлен на границе зон говоров (д. Симптеру, указанная в авторском заключении к «*Alexandriā*» находится в юго-западной части жудеца Хунедоара, где до сих пор проходит граница зон северных и южных говоров).

Некоторые архаичные черты фонетики в CN повлияли и на морфологию: например, прямое влияние на парадигму спряжения глаголов 2-4 групп в силу стяжения дифтонга [ea] на конце формы (*ave*, вместо совр. *avea* – «(он) имел»), а также сохранение [i] в глаголах 4-й группы спряжения (*pogorie*, вместо совр. *a pogorî* – «спускаться») Наличие в CN нескольких форм у некоторых наречий (*de aici* («отсюда»): *deice* vs. *deiča* vs. *de aiča*) и двух одинаково употребительных вариантов написания указательных местоимений (*acel* vs. *cel*) также указывают на связь фонетических и морфологических черт в CN и также являются архаичными. Кроме того, архаизм в плане морфологии в CN проявляется и в особых формах *perf. simplu* (*scrišu*, *dede*, *stătumă* вместо совр. *scrisei*, *dădu*, *stătură*), а также устаревших формах конжунктива (*să spăminte*, вместо совр. *spăimânte*). Некоторые формы личных (*nă*, *lă* вместо совр. *ne*, *le*) и неопределенных местоимений (*cineşti*, *neştine*) соответствуют узусу эпохи XVI-XVII в. и в современном языке не встречаются. Отличительной чертой CN (архаичной даже для источников эпохи) является сохранение латинского суффикса «-torius», зарегистрированное только в ротацизованных (т.е. более ранних) текстах (*iubitoriu*).

Среди архаичных черт в плане синтаксиса мы можем отметить полисемантичность некоторых предлогов (*de*, *pre*), вариативность позиции местоименных клитиков (после глагола, между вспомогательным и смысловым

глаголом) и предпочтительный аналитизм в выражении падежных отношений с помощью предлогов «de» и «la».

Лексика CN, как и другие источники эпохи, имеет в своем составе многочисленные славянские и тюркские заимствования. Немногочисленные латинизмы попали в вокабуляр CN посредством перевода с итальянского (текст «Floarea darurilor» является переводом итальянского трактата «Fiore di virtù»). Вместе с тем латинизмы (а также грецизмы) настолько инкорпорированы в лексический состав языка CN, что им придаются типичные для той эпохи славянские суффиксы при создании новых лексем (н-р: «folosenie», греч. ὄφελος + -enie). Доминирование славянизмов во многих лексических сферах (от религиозной и административной терминологии до обозначения абстрактных понятий и бытовых предметов) указывает на важную роль славянского языка как языка культуры, религии и литературы. Тюркские заимствования, зарегистрированные в таких сферах, как военное дело и материальная культура, отражают политическое и экономическое влияние Османской Империи на румынские княжества.

Кроме того, архаичность в плане лексики проявляется и в наличии слов, имеющих в современном румынском языке другое значение, либо вышедших из употребления полностью (всего обнаружено 42 подобных лексемы).

Несмотря на то, что CN обладает многими чертами эпохи, в ходе анализа было выявлено несколько инновационных черт, которые впоследствии вошли в современную норму.

В плане графики довольно трудно выделить какие-либо явления, приближающие язык к современной норме, так как основным алфавитом эпохи является кириллица, однако отметим, что уже на момент начала XVII в. особая графема «î» имеет близкое к современной норме значение ([iŋ]/[im], совр. [i]).

Среди фонетических инноваций, приближающих язык CN к современной норме мы можем отметить наличие своего рода контрафеноменов, т.е. на каждую

архаичную особенность, отмеченную ранее (переход безударного [e] в [ă], стяжение [ea] > [e]), находятся противоположные примеры (напр. *beu* vs. *bău* и *ave* vs. *avea*). Кроме того, в CN зарегистрировано множество случаев сохранения [i] перед носовыми согласными, что идет вразрез с основной тенденцией эпохи – аферезой [i] перед носовыми. Формы, представленные в CN присутствуют и в современном румынском (*împărat*, *învățătură*, *încerutul*).

В плане морфологии в CN также было зарегистрировано несколько инноваций, а именно: перифрастические формы кондиционала, т.е. *a avea* + причастие спрягаемого глагола (в XVI-XVII вв. гораздо чаще использовалась форма, построенная на основе латинского перфекта конъюнктива), а также использование окончания среднего рода множественного числа «-uri», являющейся на сегодняшний день нормой языка, наравне с более старой формой «-ure».

Наиболее очевидной синтаксической инновацией CN мы считаем препозицию вспомогательного глагола в perf. compus. В то время как в других источниках эпохи вспомогательный глагол зачастую помещается после смыслового, CN отдает предпочтение варианту с препозицией (на каждый случай постпозиции – примерно восемь случаев препозиции), тем самым язык CN отходит от влияния латыни и приближается к современной норме. Также регулярно встречаются соответствующие современной норме формы *viitorul literal*, т.е. с препозицией вспомогательного глагола (*Iară voivozi ziseră: «Ce vom face?»* («И тогда воеводы сказали: «Что мы будем делать?»), 6)) и конструкции с аппозицией (*merse pre c(ăm)pii Sinarului* («отправился в равнины Сеннаарские», 113)).

Не столько инновацией, сколько отличительной особенностью CN, не присущей остальным источникам эпохи, мы считаем практически полное отсутствие активно использовавшихся в ту эпоху венгризмов в тексте CN (кроме слова *meștreșug*).

Итак, CN является ценным источником, предоставляющим уникальные сведения лингвистического и палеографического характера. Будучи написанным в

эпоху зарождения и становления румынской письменной традиции (начало XVII в.), СН находится на своего рода перепутье, так как сохраняет множество черт эпохи, демонстрируя при этом в отдельных случаях инновационность на всех уровнях языка. Таким образом, СН позволяет выявить не только современное тому периоду состояние языка, но и многочисленные явления, проливающие свет на дописьменный период существования румынского (что является крайне важным, ввиду отсутствия каких-либо письменных свидетельств), а также обозначает новые тенденции, которые впоследствии легли в основу нормированной письменной традиции. Кроме того, объединяя в себе фонетические черты как северных, так и южных зон говоров, СН представляется источником ценных данных о взаимодействии языка не только с внешними культурными и языковыми влияниями, но и внутренними языковыми процессами.

Таким образом, анализ манускрипта показывает, что румынский язык рассматриваемого периода находится в стадии интенсивного развития, характеризующейся как активным взаимодействием с внешними культурными и языковыми влияниями, так и внутренним поиском собственной нормы. СН занимает важно место в корпусе памятников ранней румынской письменности, так как предоставляет уникальные сведения лингвистического и палеографического характера. Дальнейшее комплексное изучение данного манускрипта (равно как и многих других письменных памятников эпохи) может существенно обогатить представления о раннем этапе развития румынского языка.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Основные результаты работы отражены в пяти публикациях, из них:

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. Меркулов Г.В., Семенова Е.А. Обзор ранней румынской литературы (XVII в.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, №11, 2024. С. 230-233. EDN: OTIRQG. 0.42 пл.л. Импакт-фактор 0,105 (РИНЦ); личный вклад автора 70%
2. Меркулов Г.В. Особенности графики и пунктуации ранних румынских манускриптов (на примере Codex Neagoeanus (1620) и Codex Sturdzanus (1580-1619)) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, №2, 2025. С. 100-109. EDN: PZMRPA. 0.33 пл.л. Импакт-фактор 0,264 (РИНЦ)
3. Меркулов Г.В. Описание Codex Neagoeanus // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, №6, 2025. С. 217-220. EDN: LHNNAW. 0.36 пл.л. Импакт-фактор 0,105 (РИНЦ)
4. Меркулов Г.В. Морфологические особенности румынского языка XVI-XVII вв. (на примере Codex Neagoeanus, 1620) // Litera, №8, 2025. С. 127-137. EDN: QILTEF. 0.63 пл.л. Импакт-фактор 0,298 (РИНЦ)

Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

5. Меркулов Г.В., Семенова Е.А. Обзор ранней румынской литературы (XVI в.) // Филологический вестник., Том 3, №11, 2024. С. 51-56. EDN: RZQIOG. 0.3 пл.л. (личный вклад автора 70%).